

УДК 908 (470) + 281.93

М.С. Кокарев*

**ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 Г. И ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ
ЕПАРХИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ****

В статье рассматривается функционирование системы епархиального управления Русской православной церкви в период с февраля по октябрь 1917 года. На материалах Самарской губернии в ней анализируется процесс демократизации данной системы, внедрения выборного начала, а также роль различных епархиальных институтов в этом процессе.

Ключевые слова: епархиальный совет, консистория, благочинническое собрание, выборное начало, региональная церковная история, Средне-Волжский регион.

После отречения от престола императора Николая II и его брата Михаила Александровича Русская церковь оказалась в совершенно новом положении. В один момент стала разваливаться созданная еще при Петре I система церковно-государственных связей, в рамках которой интересы самой Церкви были подчинены государственным. При этом в период с марта по август 1917 г. синодальная система руководства Церковью формально сохранялась; должность обер-прокурора существовала почти до начала Поместного Собора. Временное правительство фактически взяло на себя функции императорской власти по отношению к Церкви, что, по словам последнего обер-прокурора и первого министра вероисповеданий А.В. Карташева, должно было «акушерски помочь рождению соборной реформы Церкви» [1, с. 16].

В последние десятилетия появился целый ряд исследований, посвященных истории Церкви между двумя революциями [2; 3]. Однако в освещении процессов, происходивших в этот короткий, но безусловно интересный период на региональном уровне, существуют серьезные лакуны. Так, в литературе по истории Самарской епархии данный период практически не рассматривается. Хотя процессы т. н. «демократизации» епархиального управления, связанные с введением выборного начала и демонстрацией традиционной консисторской системы, на самарских материалах могут быть рассмотрены достаточно подробно.

Нужно отметить, что падение монархии было встречено в Самарской епархии с оптимизмом. По крайней мере, нет никаких свидетельств, что изменение строя вызвало среди духовенства какие-либо серьезные протесты. Что касается епископа Михаила (Богданова), то он 4 марта лаконично телеграфировал обер-прокурору Синода: «Прошу руководственных указаний о молитвенных возношениях за богослужениями о предрержавшей власти» [4, с. 223]. Позже, уже в апреле, отметилась самарская духовная консистория: члены присутствия и все служащие в телеграмме на имя обер-прокурора выразили надежду на то, что «с обновлением государственного строя обновится наконец заботами Вашими и строй консистории» [5. Л. 23].

---

* © Кокарев М.С., 2015

Кокарев Максим Сергеевич (maxim.kokarev.1980@mail.ru), общецерковная аспирантура и докторантура им. Кирилла и Мефодия, 115035, г. Москва, ул. Пятницкая, д. 4/2, стр. 5.

** Настоящая работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ по исследовательскому проекту 14-31-01022 «Система епархиального управления Русской Православной Церкви в конце XIX – начале XX веков (на материалах Самарской епархии)».

Приходское духовенство свою позицию обозначило более явно. Есть целый ряд документов, отражающих реакцию пастырских собраний разного уровня на революционные события. Раньше всех, судя по всему, сориентировалось в ситуации духовенство Николаевского уезда. Уже 8 марта на имя председателя Государственной думы М.В. Родзянко была направлена телеграмма, в которой говорилось: «Духовенство города Николаевска... и окрестных сел, организовавшись наскоро, спешит выразить вашему высокопревосходительству свое искреннее единомыслие с волею народа и народной властью, осуществляемой Государственной Думой» [4, с. 292].

Практически с первых же мартовских дней духовенство епархии стало переходить от простых благопожеланий к реальным действиям. Так, 13 марта духовенство 1-го округа Бузулукского уезда собралось для выработки программы неотложных действий. Председателем был избран священник Василий Невский, так как благочинный Быстрицкий от председательства отказался [6. Л. 9].

В первую очередь ораторы в горячих речах, «с чувством глубокой радости приветствовали обновление государственного строя дорогой родины» и выражали надежду на светлое будущее как России вообще, так и Церкви и ее пастырей в частности. Констатировали тот факт, что при прежнем строе духовенство, «силой обстоятельств, силой произвола светских властей, было орудием правительства, его безответными, безгласными рабами, обязанными защищать правительственный произвол» [6. Л. 9]. Для координации действий духовенства было решено открыть в Бузулуке комитет «организационный, осведомительный и руководительный» [6. Л. 9 об.]. Его деятельность должна была распространяться не только на округ, но и на весь уезд.

Параллельно этому 17 марта собралось духовенство Самары и Самарского уезда. Оно избрало из своей среды президиум, который решил направить епископу Михаилу (Богданову) постановление «об избрании временного духовного совета для спешного разрешения возникших и могущих возникнуть недоуменных вопросов в связи с введением нового политического строя и организацией на местах временных исполнительных комитетов народной власти» [6. Л. 14].

Тем временем начались преобразования в высшем эшелоне церковной власти. 14 апреля Временное правительство уволило старый состав Святейшего Синода (за исключением архиепископа Сергия (Старгородского)) [3, с. 441]. В числе новых членов оказался и епископ Самарский и Ставропольский Михаил (Богданов). Вся тяжесть управления епархией легла на викария, епископа Уральского Тихона (Оболенского), которому 28 апреля был дан официальный указ [6, л. 2]. Уже после отъезда епископа Михаила проходил в Самаре экстренный съезд епархиального духовенства. Журналы съезда были доставлены архиерею в Петроград специальной делегацией из состава его членов [7. Л. 14].

На съезде было принято постановление по вопросу изменения церковно-государственных отношений. С одной стороны, в нем декларировалось, что Церковь «в свободном Государстве должна быть совершенно свободна от всякого влияния на нее государственного Гражданского управления» [8, с. 158]. С другой стороны, подчеркивалось, что «Православная Церковь Христова не может быть отделена от Православного Российского государства», которое обязано «признавать нашу православную веру первой между равными перед Государством верою, как веру истинную» [8, с. 158]. Государство должно было, по мысли участников съезда, охранять Церковь от всяческих нападков со стороны иноверия, сектантства и безбожия. Духовенство должно было быть обеспечено достойным казенным жалованием и пенсиями, а во всех учебных заведениях государство обязано было «установить преподавание Закона Божия на одинаковых правах с другими предметами и оплачивать труд законоучителей наравне с другими учителями» [8, с. 159]. Время показало, что подобный оптимизм был

неоправданным. Надежды на автономию во внутрицерковных делах при сохранении всесторонней поддержки со стороны государства уже очень скоро были подорваны, когда из ведения Церкви Временным правительством были изъяты все школы.

В то же самое время, когда заседал Самарский епархиальный съезд, новый Синод, в котором, кстати, было расширенное представительство белого духовенства, начал делать практические шаги по «демократизации» церковного управления. Определение от 1–5 мая за № 2668 временно, до созыва Поместного Собора, серьезно расширяло права приходского духовенства и мирян в епархиальном управлении.

Согласно этому определению, церковно-епархиальным советам (где таковые имелись) давалось право принимать участие в заседаниях духовных консисторий при решении дел. Для этого совет мог избрать до трех представителей с правом совещательного голоса. При этом если члены совета признавали необходимым дело передавалось из консистории на решение совета. Также при благочинных было разрешено создавать благочиннические советы, члены которых избираются окружными собраниями духовенства с участием мирян. Состав и круг дел благочиннических советов должны были определяться епархиальным съездом [9, с. 111].

Широкие права получили и прихожане. Им было предоставлено право избирать на вакантные места священно- и церковнослужителей достойных кандидатов. Архидьякон, конечно, мог не утвердить кандидата, но в этом случае он должен был объяснить прихожанам причину отказа. Последние же имели право избрать другого кандидата [9, с. 111].

Центральным моментом данного синодального определения было утверждение выборных начал в епархиальном управлении. Так, благочиннические съезды получили право избирать благочинных и членов окружных организаций; уездные — членов уездных отделений епархиальных училищных советов и других церковно-административных учреждений; епархиальные — членов консисторий, епархиальных училищных советов попечительств о бедных духовного звания и других учреждений [9, с. 113]. В целом синодальное определение давало приходскому духовенству и мирянам достаточно широкие права: «Это был предел, больше прав православное духовенство и миряне не имели никогда» [3, с. 451].

Самарский епархиальный съезд сразу же воспользовался данными правами по контролю за епархиальными органами управления. 14 мая он избрал в качестве своих представителей для заседания в консистории с правом решающего голоса (в синодальном определении речь шла только о совещательном голосе) священника Павла Третьякова и протодиакона Павла Руновского. Каждому из них полагалось вознаграждение 50 рублей из общеепархиальных средств [6. Л. 32].

20 мая 1917 г. последовал указ Синода, который уточнял и развивал положения определения от 1–5 мая. Здесь содержалось благословение епархиальным преосвященным предоставить съездам духовенства и мирян права избирать в члены духовных консисторий наряду с лицами пресвитерского сана также диаконов, псаломщиков и мирян в числе, не превышающем священников, и избранных членом представлять в установленном порядке на утверждение Синода [6. Л. 18].

После экстренного епархиального съезда апреля–мая во всех благочиниях были проведены окружные съезды духовенства и мирян, главной целью которых было переизбрание благочинных и членов благочиннических советов. Выборность благочинных была одним из тех пунктов за которые всегда ратовало приходское духовенство. Так, например, самарский епархиальный съезд духовенства пытался восстановить выборность и благочинных еще в 1906 г.

Следующим ключевым моментом в процессе внедрения в епархиальное управление новых принципов стал сентябрьский съезд духовенства. Несмотря на то что он

проходил уже после начала Поместного Собора, вопросы епархиального управления на последнем еще не начали рассматривать. Епархиальный съезд, руководствуясь майским определением Синода, в первую очередь произвел выборы членов консистории. В результате были избраны протоиереи Павел Введенский, Афанасий Рождественский, Иоанн Пиксанов, Павел Зефилов, а также протодиакон Павел Руновский (с правом решающего голоса) [7. Л. 27]. Кандидатура последнего вызвала горячую дискуссию. Дело в том, что Синод еще 10–12 июля своим разъяснительным определением за № 4436 запретил избирать в консистории диаконов, псаломщиков и мирян, так как такие выборы противоречат статье 280 Устава духовных консисторий.

В результате самарский съезд все же оставил свое решение по избранию Руновского в силе, а также постановил возбудить ходатайство перед Поместным Собором о введении представителей младшего клира в состав консистории. В ответ несколько священников по инициативе о. Петра Смирнова составили отдельное мнение о том, что решение съезда – это «акт неповиновения Святейшему Синоду» [7. Л. 16]. Но основной состав съезда остался при своем мнении. Дальнейшая судьба ходатайства самарского съезда складывалась следующим образом. Епископ Михаил 27 октября предоставил его на рассмотрение Синода, который, в свою очередь, уже 7 декабря переправил бумагу в Отдел по епархиальному управлению Поместного Собора [10. Л. 28]. Судя по протоколам отдела, он это ходатайство даже не рассматривал, так как в новой структуре епархиального управления, которая разрабатывалась отделом, не предусматривалась такая инстанция, как консистория.

Уже в дни октябрьского переворота начал функционировать епархиальный совет при епископе. 29 октября в здании консистории состоялось его первое заседание под председательством самого епископа Михаила, который, судя по всему, для этого прервал свою работу в Поместном соборе. На заседании присутствовали избранные на съезде члены, кроме священника Малютина, а кроме них – секретарь консистории Ю. Березницкий [6. Л. 34]. Главным итогом этого заседания было решение (по предложению мирянина Иванова) устроить совместное обсуждение с членами присутствия консистории дальнейших полномочий и функций епархиального совета [6. Л. 34 об.].

1 ноября состоялось такое совместное заседание; присутствовали члены присутствия консистории и члены совета при епископе (он в протоколе назван церковно-епархиальным советом), кроме Малютина и Горбунова [6. Л. 32]. Ввиду того, что подробной инструкции для Совета не было, в первую очередь требовалось определиться с тем, какие дела должны проходить через Совет – все, поступающие из консистории на утверждение епископа, или только более важные дела [6. Л. 32]. Во втором случае возникал вопрос: кто будет определять степень важности.

В результате обсуждения приняли решение: совет должен быть в курсе всех дел, проходящих через консисторию. В ней должны присутствовать поочередно члены Совета и совместно с постоянным членом консистории протодиаконом Руновским решать, какие дела должны быть доложены совету для решения их в заседании Совета, а какие дела только перечисляются Совету для сведения. При заинтересованности кем-либо из членов Совета каким-либо из дел, назначенных только к сведению, дело должно было заслушиваться в Совете по докладу дежурившего в день решения дела в консистории члена Совета.

Подводя итоги, необходимо отметить, что демонтаж традиционной консисторской системы начался уже в период февраля–октября 1917 г. Выражалось это во внедрении выборного начала и стремлении поставить работу консистории под контроль епархиального съезда, а затем и в фактическом дублировании основных ее функций в совете при епископе. На епархиальном уровне ведущую роль в процессе демократиза-

ции играли приходские священники, младшие клирики и миряне, которые начали активно организовываться с первых чисел марта.

С лета 1917 г. в высших церковных сферах проходит революционная эйфория и начинается постепенное сворачивание темпов демократизации. При этом мы видим на примере самарского съезда, что на местах духовенство пытается оказывать посильное сопротивление, отстаивая положения, прописанные в майском определении Синода. В конце концов Поместный собор отменил и введенную в мае выборность духовенства. Революция, которая позволила «Церкви начать постепенный демонтаж порочной синодальной системы, в итоге и похоронила ее реформы» [3, с. 457]. К сожалению, таков чаще всего исход правильных преобразований, совершаемых в неправильное время.

Библиографический список

1. Карташев А.В. Временное правительство и Церковь // Из истории христианской Церкви на родине и за рубежом в XX столетии. М., 1995.
2. Бабкин М.А. Духовенство Русской Православной Церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.). М., 2007.
3. Фирсов С. Л. Революция 1917 года и проблема «демократизации» Русской Церкви // Фирсов С.Л. Церковь в Империи. СПб., 2007.
4. Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году (Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви). М., 2006.
5. Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. 32. Оп. 6. Д. 7143.
6. ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 7116.
7. ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 7139.
8. Журналы экстренного съезда духовенства Самарской епархии сессии 1917 г. // СЕВ. 1917. № 9–10. (неоф. ч.).
9. Определение Святейшего Синода от 1–5 мая за № 2668 // Церковные ведомости. 1917. № 18–19.
10. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 253.

References

1. Kartashev A.V. Interim government and Church. *From the history of Orthodox Church at home and abroad in the XX century*. M., 1995 [in Russian].
2. Babkin M.A. Clergy of the Russian Orthodox Church and overthrow of the monarchy (beginning of the XX century – end of 1917). M., 2007 [in Russian].
3. Firsov S.L. Revolution of 1917 and the problem of «democratization» of the Russian Church. *Church in the Empire*. SPb., 2007 [in Russian].
4. Russian clergy and overthrow of the monarchy in 1917 (Materials and archive documents on the history of Russian Orthodox Church). M., 2006 [in Russian].
5. Central State Archive of the Samara Region (further TsGASO) F. 32. Op. 6. D. 7143 [in Russian].
6. TsGASO. F. 32. Op. 6. D. 7116 [in Russian].
7. TsGASO. F. 32. Op. 6. 7139 [in Russian].
8. Journals of the urgent congress of clergy of the Samara diocese session of 1917. *SEV*, 1917, no. 9 – 10 (unofficial part).
9. Determination of the Holy Synod dated 1–5 May under № 2668. *Tserkovnye vedomosti* [Church Bulletin], 1917, no. 18–19 [in Russian].
10. State Archive of the Russian Federation. F. 3431. Op. 1. D. 253 [in Russian].

FEBRUARY REVOLUTION OF 1917 AND CHANGES IN THE SYSTEM OF DIOCESAN ADMINISTRATION OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH**

The article discusses the functioning of the system of diocesan administration of the Russian Orthodox Church in the period from February to October 1917. On the materials of the Samara province it examines the process of democratization of the system, implementation of the elective principle, and the role of various diocesan institutions in this process.

Key words: diocesan council, consistory, deanery congress, elective principle, regional church history, Middle-Volga region.

Статья поступила в редакцию 21/VIII/2015.
The article received 21/VIII/2015.

---

* *Kokarev Maksim Sergeevich* (maxim.kokarev.1980@mail.ru), SS Cyril and Methodius School of Post-Graduate and Doctoral Studies, Build. 5, 4/2, Pyatnitskaya Street, Moscow, 115035, Russian Federation.

** *The present work is carried out at financial support from the Russian Foundation for the Humanities according to the research project 14-31-01022 «System of diocesan administration of Russian Orthodox Church at the end of the XIX – beginning of the XX centuries (on the materials of Samara diocese)».*